

Минцлов Сергей Рудольфович

Царь Царей

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Рудольфович М.**
Царь Царей / Минцлов Сергей Рудольфович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 199 с.

ISBN 978-5-519-96710-5

ISBN 978-5-519-96710-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

— Дома-съ... отвѣчалъ лакей глухимъ голосомъ и не то слегка поклонился, не то отвелъ въ сторону длинное лицо свое съ черными, упорно внимательными глазами на выкатѣ; въ густыхъ короткихъ волосахъ его серебрилась сильная сѣдина.

Мрачный тонъ отвѣта заставилъ москвича остановиться среди лѣстницы и повернуться.

— Здоровъ Иванъ Яковлевичъ? спросилъ онъ, заподозрѣвъ что-то недоброе.

— Здоровъ-съ... еще зловѣщѣе выговорилъ старикъ.

Михаилъ Степановичъ, шедшій уже по второму колѣну лѣстницы, перевѣсился черезъ перила и засмѣялся.

— Каркаетъ это онъ! Съ чего? что еще случилось?

— Пожалуйте-съ... тамъ увидите... сухо отвѣтилъ лакей и, заперевъ дверь, послѣдовалъ за обоими гостями наверхъ.

Въ передней гости сбросили шубы; Михаилъ Степановичъ первымъ быстро вошелъ въ длинный и низкій залъ, казавшійся пустыннымъ благодаря сурово-скудной обстановкѣ временъ Александра I. Противъ оконъ, у стѣны стоялъ темный, жесткій какъ камень, диванъ изъ краснаго дерева и такіе же стулья. Изъ-за нихъ строго взирали оправленные, въ когда-то золоченныя рамы двое невѣдомыхъ вельможъ съ кружевами и орденами на груди. Только небольшая зеленая горка изъ камелій и нѣсколькихъ туй слегка скрапивала неуютный видъ зала.

Въ лѣвомъ концѣ его за огромнымъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ грудами книгъ и рукописей, сидѣлъ, низко склонясь надъ бумагами, бѣлокурый господинъ съ розовымъ пухлымъ лицомъ.

Услыхавъ шаги, онъ поднялъ голову, блеснули стекла очковъ и изъ-за нихъ уставились на входившихъ два, казавшихся непомерно огромными, сѣрыхъ глаза.

— Здравствуйте, дорогой Иванъ Яковлевичъ! на

ходу произнесъ Михаилъ Степановичъ, и при первыхъ звукахъ его свѣжаго, веселаго голоса недоумѣвавшее лицо сидѣвшаго расцвѣло еще болѣе и озарилось улыбкой.

— Михаилъ Степановичъ! воскликнулъ онъ, подымаясь и частыми мелкими шажками спѣша навстрѣчу гостю.—Какъ я радъ!

— Я не одинъ, съ Павломъ Андреевичемъ! добавилъ Михаилъ Степановичъ, отвѣчая на горячія пожатія хозяина, завладѣвшаго обѣими руками его.

— И мы къ вашимъ пенатамъ попали! пыхтя заявилъ вошедшій москвичъ.

— Милые мои! Да какъ же я радъ! хозяинъ не зналъ, на кого смотрѣть и къ кому обращаться.

— Откуда, какими судьбами? Да что же мы стоимъ? Садитесь! Продрогли должно-быть въ такую погоду! Антонъ, чаю скорѣй, завтракать намъ, вина!..

Старикъ лакей стоялъ у двери и, заложивъ одну руку за бортъ куртука, а другую за спину, смотрѣлъ, поджавъ губы, на своего суетившагося барина, казавшагося издали, благодаря живости, маленькому росту и начисто выбритому лицу, мальчишкомъ лѣтъ двѣнадцати.

— Прежде всего посмотрѣть на васъ хочу! продолжалъ хозяинъ, побѣждалъ къ письменному столу и принялся шарить на немъ. — Столько времени не видѣлъ васъ, Павелъ Андреевичъ! Антонъ, да гдѣ же пенснэ мое наконецъ?! воскликнулъ онъ, не находя требовашагося предмета. — Гдѣ оно?

— Да при васъ-съ... иронически отвѣтилъ лакей.— Изъ кармашка справа торчить.

Ученый ухватился рукой за карманъ и, вытащивъ оттуда пенснэ, быстро надѣлъ его на носъ, украшенный уже очками.

— Такъ чайку намъ сюда скорѣй, чайку теперь!.. Ну-съ, дорогой мой, показывайтесь, выкладывайте, что

дѣлали! Эка года-то летятъ! А все молодець, право молодець! говорилъ онъ, забѣгая то съ правой, то съ лѣвой стороны гостя и заглядывая въ лицо ему.—Лысину только вотъ зачѣмъ завели, Павелъ Андреевичъ?

— Это у меня отъ кресла... заявилъ тотъ.

— А, что? Какъ отъ кресла? не понявъ переспросилъ хозяинъ.

— Очень просто: спинка у него высокая, а я головой опираюсь, когда читаю, — вотъ и вытеръ затылокъ.

Иванъ Яковлевичъ ударилъ себя по колѣнямъ и разразился смѣхомъ.

— Я-то серьезно его слушаю! воскликнулъ онъ.— Ахъ шутникъ! Все тотъ же!

И вдругъ онъ оборвалъ смѣхъ и разомъ, какъ отъ толчка пружины, повернулся къ улыбавшемуся, глядя на нихъ, молодому человѣку. Лицо его сдѣлалось серьезнымъ.

— Батенька! Знаете, что вы мнѣ привезли?

— Нѣтъ!

— Кладъ. Да, кладъ-съ! азартно повторилъ ученый, стукнувъ по столу ладонью.

— Неужели разобрали, прочли, Иванъ Яковлевичъ?! Михаилъ Степановичъ почувствовалъ, что и онъ загорается весь внутреннимъ огнемъ.

— Прочель-съ...

— Это не простые знаки? Что же написано?

Иванъ Яковлевичъ, семеня, побѣжалъ къ письменному столу. Торопливо перелиставъ нѣсколько рукописей, онъ вытащилъ какой-то листокъ, поднесъ его къ самымъ глазамъ, чтобъ убѣдиться, тотъ ли это, и поднялъ его надъ головою.

— Вотъ! особенно выразительно проговорилъ онъ.

Михаилъ Степановичъ очутился около старика и почти выхватилъ драгоценный листокъ.

— „Я, царь царей, въ вѣчной славѣ живущій...

побѣдившій... разорившій"... прочелъ онъ взволнованнымъ голосомъ и опустилъ руку.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе; на щекахъ молодого человѣка проступали то блѣдныя, то яркія пятна; онъ молча переводилъ глаза съ листка на лицо старика и обратно.

— Да-съ, да-съ! торжествуяще повторялъ тотъ, кивая въ отвѣтъ на взглядъ Михаила Степановича головой и потирая бока себѣ.

Павелъ Андреевичъ, съ удобствомъ устроившій въ креслѣ свою грузную фигуру, съ любопытствомъ наблюдалъ эту сцену и въ видѣ развлеченія медленно вращалъ одинъ вокругъ другого большіе пальцы рукъ, сложенныхъ на внушительномъ брюшкѣ.

— На какомъ же языкѣ написано? проговорилъ наконецъ Михаилъ Степановичъ.

Иванъ Яковлевичъ поднялъ вверхъ руки.

— Не знаю, отвѣтилъ онъ,—не знаю! Несомнѣнно, что на одномъ изъ арійскихъ, ближайшихъ къ санскритскому, но... онъ пріостановился.

— Что „но“?

— Но еще значительно, много древнѣйшемъ санскрита, закончилъ онъ.— Санскритскій языкъ — братъ литовскаго, славянскаго и всѣхъ европейскихъ языковъ, а этотъ,—ученый энергично ткнулъ нѣсколько разъ пальцемъ въ листокъ,—это предокъ ихъ. Несомнѣнный-съ! Мы знали только дѣтей его до сихъ поръ. Понимаете, что это такое?! Значитъ Дельбрюкъ ¹⁾ не правъ, утверждая, что нѣтъ и не было никогда еди-

¹⁾ Известный ученый, выпустившій въ 1880 г. сочиненіе, опровергнувшее господствовавшее до того времени въ наукѣ предположеніе, что всѣ языки происходятъ отъ одного — арійскаго. Латамъ (1851 г.) первый возсталъ противъ бездоказательнаго положенія о переселеніи индоиранцевъ въ Европу и азіатскаго происхожденія европейцевъ; то и другое въ настоящее время отвергнуто окончательно.

наго, арійскаго языка! Эра новая передъ нами, горизонтъ-съ иной, эпоха, міръ новый!!

— Удивительно! процѣдилъ Павелъ Андреевичъ, вытягивая впередъ ноги и кладя ихъ одну на другую. — Что эти господа лингвисты ¹⁾ воображаютъ о себѣ! Отыщутъ какой-нибудь тамъ язычишко и сей-часъ: „эпоха“, „міръ новый“! Ноль это, а не эпоха.

Иванъ Яковлевичъ при первыхъ словахъ москвича стремительно повернулся къ нему и слушалъ, теребя съ боку на бокъ пенснэ и очки на носу своемъ.

— Что такое, что-съ? прерывисто спросилъ онъ, подступая къ невозмутимо сидѣвшему Павлу Андреевичу и становясь передъ нимъ въ позицію бойца, готоваго кинуться въ боксъ. — Новый языкъ, это—ноль?!

— Ноль, подтвердилъ Павелъ Андреевичъ. — Что вы докажете отысканіемъ его? Что раньше говорили не по-санскритски, а на какомъ-нибудь тамъ подсанскритскомъ, еще менѣе культурномъ языкѣ, и такъ далѣе, до мычанія включительно? Это мы знаемъ и такъ, и это не прольетъ свѣта на древность. Безъ насъ вы ни шагу!

— Нѣтъ-съ!—весь превратившись въ кипятокъ, прервалъ Иванъ Яковлевичъ. — Это мы, именно мы, — онъ ударилъ себя въ грудь кулакомъ, — мы несемъ свѣтъ во тьму вѣковъ. Только языкознаніе можетъ точно установить происхожденіе, степень культурности и время жизни народа. Вы кости однѣ отъ него берете, а мы душу, понимаете — душу находимъ живую! Мы устанавливаемъ степень знаній его, родство съ другими народами, происхожденіе, время жизни наконецъ! А къмъ этотъ народъ былъ окруженъ, какими тамъ вашими ихтіо, плезіо или квазизаврами ²⁾ — вотъ это не важно-съ, да!

¹⁾ Лингвистъ — языковѣдъ, лингвистика — языковѣдніе, языкознаніе.

²⁾ Квази—отъ латинскаго quasi: яко бы, будто бы.

— Па-а-азвольте! возразилъ нѣсколько задѣтый за живое Павелъ Андреевичъ, убирая ноги отъ наскакивавшаго на нихъ Ивана Яковлевича.

— Во-первыхъ, квазизавровъ нѣтъ совсѣмъ, а вторыхъ, мы палеонтологи и геологи ¹⁾, шире глядимъ на задачи науки, чѣмъ вы. Всякая невѣдомая еще кость квазизавра, какъ вы выражаетесь, важнѣе вашихъ языковъ! Она помогаетъ возстановить непрерывный рядъ живыхъ существъ. Вы возитесь только съ людьми и опредѣляете ихъ „души“,—какъ будто важно, солнцу ли они поклонялись или стоеросу! а насъ интересуетъ, *откуда* они произошли, наконецъ сама планета, древность ея, жизнь на ней, словомъ вся совокупности міра, все...

— Павелъ Андреевичъ размахнулъ руками, вѣроятно желая наглядно показать, какъ широки взгляды палеонтологовъ, и огромный кулакъ его съ маху хватилъ прямо по подносу, который Антонъ только что хотѣлъ въ ту минуту поставить на столъ изъ-за его спины.

Стаканы съ чаемъ, графинчикъ съ коньякомъ, корзинка съ печеньями, блюдечки, ложки — все со звономъ и грохотомъ полетѣло на полъ.

— Господа помилосердуйте! вскричалъ Михаилъ Степановичъ, — вспомните Гоголя: палеонтологія великая вещь, да стаканы-то зачѣмъ бить?!

— Это называется свинствомъ! уже съ обычнымъ хладнокровіемъ проговорилъ Павелъ Андреевичъ, скосивъ глаза на винигретъ на полу и отодвигаясь отъ него вмѣстѣ съ кресломъ.

Антонъ ворча и кряхтя принялся собирать осколки и складывать ихъ на поднось.

— Голубчикъ, а не обварились, не больно? забывъ

¹⁾ Палеонтологія — наука объ исчезнувшихъ животныхъ и растеніяхъ, остатки которыхъ, извѣстные подъ названіемъ окаменѣлостей, мы находимъ въ пластахъ земной коры. Геологія — наука о строеніи земной коры въ ея прошломъ и настоящемъ.

о спорѣ, заботливо освѣдомился хозяинъ, забѣжавъ съ другой стороны и осматривая облитый бокъ гостя.— Антонъ, дай скорѣй тряпку, салфетку, вытри ихъ...

— Ничего пустяки... возразилъ Павелъ Андреевичъ.— Итакъ мы остановились...

— ... на томъ, что разбили три стакана, перебилъ Михаилъ Степановичъ, опасаясь продолженія безконечнаго спора, не разъ подымавшагося между учеными,— и этимъ удовольствуемся и перейдемъ къ другому вопросу, неправда-ли? Что же мы теперь предпримемъ, Иванъ Яковлевичъ?

— Вы что предпримете — не знаю, а у меня рѣшено-съ! отвѣтилъ Иванъ Яковлевичъ, откидывая голову назадъ и закладывая руки за спину.

Антонъ, собравшійся уже уходить, остановился съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ возвышалась груда битаго стекла, кусковъ лимона и ложекъ, и сталъ слушать, не сводя глазъ со своего барина.

Иванъ Яковлевичъ взглянулъ на Антона и продолжалъ, отчетливо выговаривая каждое слово:

— Весной я отправлюсь въ Сибирь-съ!

Старый лакей обвелъ глазами своихъ гостей, какъ бы надѣясь встрѣтить въ нихъ сочувствіе къ состоянію здоровья его барина, и затѣмъ опять пристально уставился на него.

Михаилъ Степановичъ быстро подошелъ къ ученому и протянулъ ему руки.

— Я съ вами Иванъ Яковлевичъ! воскликнулъ онъ.—Я и мечтать не смѣлъ о такомъ счастіи! Всюду васъ свезу и покажу все!

Антонъ круто повернулся и пошелъ, потряхивая головой, къ выходу.

— Я такъ и рассчитывалъ, отвѣтилъ Иванъ Яковлевичъ.—Старикъ мой сердится, вполголоса добавилъ онъ, когда фигура лакея скрылась въ дверяхъ.—Я заявилъ ему, что въ апрѣлѣ поѣду въ Сибирь, а онъ на дыбы!

„Что мы жулики, говорить, что ли какіе? (Это „мнѣ“ его неподобно)! Такъ и тѣхъ силкомъ тащить. А намъ зачѣмъ туда?

Раскатистый смѣхъ Павла Андреевича огласилъ комнату; онъ весь такъ и заколыхался въ креслѣ, какъ студень на блюдѣ.

— Да вѣдь, понимаете, извелъ меня! Уставить свои буркалы, вздыхаетъ и все головой покачивается. Ну, да я жъ его проучу! съ негодованіемъ заключилъ Иванъ Яковлевичъ, дернувъ пенснэ на носу своемъ.— Волю ужасную забралъ! Наказаніе, я вамъ скажу, имѣть при себѣ человѣка изъ бывшихъ крѣпостныхъ своихъ... уже другимъ тономъ, какъ бы жалуясь, заговорилъ ученый.— Воображаетъ, что онъ все еще дядька мнѣ и что я подъ его опекой!

— А вѣдь дня не прожили бы безъ него, сознайтесь, замѣтилъ Павелъ Андреевичъ.

— Ну, ужъ и дня?.. Иванъ Яковлевичъ проговорилъ это не то съ вопросительнымъ, не то съ недоувѣрчивымъ видомъ.

Позвякиванье стакановъ и ложекъ въ сосѣдней комнатѣ возвѣстило о приближеніи Антона. Иванъ Яковлевичъ круто повернулся спиной къ двери и, повысивъ голосъ, обратился къ Михаилу Степановичу.

— Итакъ рѣшено: въ апрѣлѣ мы ѣдемъ. Я васъ попрошу, дорогой мой, взять съ собой человѣка, такъ какъ Антона я не беру...

Антонъ, о которомъ шла рѣчь, вдругъ остановился съ подносомъ въ рукахъ среди зала; ложки зазвенѣли на блюдечкахъ еще явственнѣе.

— Хорошо... сдерживая улыбку отвѣтилъ молодой человѣкъ.— Мой Василій—молодецъ, онъ и одинъ управится.

— То-есть это какъ же-съ? взволнованно заговорилъ Антонъ, подходя и сунувъ подносъ на столъ; него-

дующіе глаза его уставились на господь.—Я-то стало-быть вамъ больше не нуженъ сталъ?

— Нѣтъ, отчего же... отворачиваясь и стараясь принять равнодушный тонъ возразилъ Иванъ Яковлевичъ:—ты нуженъ... дома останешься...

— Дома-съ?! негодование прорывалось въ голосѣ старика все болѣе и болѣе.—Что же, я небель или кошка что ли, чтобы дома-то оставаться?!

— Да вѣдь ты же самъ не хотѣлъ ѣхать? возразилъ ученый.

— Кто въ Сибирь самъ ѣхать захочетъ! А коль вы дошли до того, нешто пущу я васъ одного? Обернутъ васъ тамъ всего; платокъ вотъ или пинснѣ свое—и тѣхъ безъ меня не знаете, гдѣ взять! А ужъ чтобъ вамъ какой-то тамъ Василій услужалъ—этого не будетъ-съ! рѣшительно заключилъ онъ, тряхнувъ головой и бросивъ сердитый взглядъ на Михаила Степановича, котораго считалъ—и весьма справедливо—виновникомъ всей кутермы.—Я поѣду-съ!

— Ну вотъ и прекрасно! расцвѣтя торжествующею улыбкой заговорилъ Иванъ Яковлевичъ,—и чудесно, и говорить стало быть не о чемъ, очень радъ! Приготовляйся теперь понемножку, обдумай, что взять надо. Впрочемъ тебѣ Михаилъ Степановичъ все скажетъ. И никакихъ бѣдъ не случится съ нами,—все будетъ отлично, не хуже чѣмъ здѣсь!

Густыя брови Антона поднялись на лобъ и пошевелились, какъ усы у сомнѣвающагося таракана.

— Да ужъ все едино-съ... голосомъ чревоѣдателя произнесъ онъ.—Я человѣкъ старый, недолго осталось мнѣ свѣтъ жить, а вотъ вы-то о себѣ подумали бы...

— Ну, ну, ну!.. Иванъ Яковлевичъ замахалъ на него руками:—не мели пожалуйста!

— А знаете что, дражайшій Иванъ Яковлевичъ? проговорилъ Павелъ Андреевичъ, молча созерцавшій все время лужу на полу.

— Что?

— И я съ вами увяжусь. Возьмете?

— Голубчикъ! Да еще бы, очень рады будемъ!

— Чѣмъ больше народа, тѣмъ лучше, замѣтилъ Михаилъ Степановичъ.—Вамъ, Павелъ Андреевичъ, богатая пожива будетъ: кости ископаемыхъ тамъ въ изобиліи!

— Потому-то и тянетъ меня съ вами!

— А я еще спутника приглашу: онъ насъ дичью всю дорогу снабжать станетъ, сказалъ Михаилъ Степановичъ.

— Чудно, превосходно! радуясь такъ удачно складывавшимся обстоятельствамъ, заявилъ Иванъ Яковлевичъ.—А кто онъ такой?

— Помѣщикъ полтавскій, нѣкто Горленко. Охотникъ и страшный любитель бродить; ужъ онъ давно просилъ меня захватить его съ собой въ экскурсію.

Послѣ скромнаго обѣда гости стали прощаться, условившись съѣхаться 1-го апрѣля въ Москвѣ и оттуда вмѣстѣ трогаться дальше.

Всѣ были довольны; даже суровый Антонъ нѣсколько прояснился къ вечеру вмѣстѣ съ погодой и, сидя съ давнимъ пріятелемъ дворникомъ на тумбахъ у воротъ, не безъ юмора повѣдывалъ ему о затѣяхъ баръ.

— Кости, вишь, поѣдутъ собирать въ Сибири. Черепковъ теперь да бумагъ уже будетъ съ насъ: полная квартира!

— Кости?! ужаснулся бородачъ-дворникъ.—И твоего соблазнили на это? Чьи же такія кости?

— Да ужъ чьи попало, значить: свинячью найдутъ, свинячью возьмутъ, человѣческую—человѣческую...

Дворникъ pokrutilъ головой.

— Ска-ажите на милость!.. И къ чему же это имъ онѣ, кости-то, нужны?

— Къ чему? Примѣриваютъ все: приложить свинячью кость, скажемъ, къ собачьей или телячьей и